

ПЛАТ СВЯТОЙ ВЕРОНИКИ

Высоко в Сабинских горах жил бедный виноградарь Доместиан со своей юной женой Марией. У них было небольшое стадо коз, и Доместиан по утрам выпускал их на пологий склон, где в тени нависшей скалы зеленела трава. С другой стороны гора круто обрывалась вниз — глянешь, голова закружится. Каменистая тропинка, протоптанная козами, вела к убогой хижине.

Как-то рано утром Мария отворила скрипучую дверь и встала на пороге, потягиваясь и улыбаясь. Она принялась расчёсывать деревянным гребнем прядь за прядью свои чудесные кудрявые волосы, и казалось, лучи солнца прячутся в каждом локоне.

Вдруг ей послышался шорох где-то совсем рядом, в двух шагах от неё. Мария испуганно оглянулась. Она увидела: прислонившись к стене дома, сидит старая женщина,

низко опустив голову. На ней была одежда из простой грубой ткани, на ногах изношенные сандалии.

«Нищенка, побирушка, — с удивлением подумала Мария, — как у неё хватило сил подняться сюда, в горы. Да и зачем? Мы такие же бедняки, как и она».

Но когда старуха поднялась с земли и выпрямилась, Мария невольно почтительно поклонилась ей, столь была эта старая женщина величава и благородна. У неё была плавная поступь и глубокий, проникающий в душу взгляд.

Из дома вышел Доместиан и остановился рядом с Марией, с удивлением глядя на старую женщину.

— Не ожидала, что найду здесь хоть одну живую душу, — сказала старуха, глядя на виноградаря и его жену. — Мои родители жили в этой хижине, и я родилась здесь почти девяносто лет назад.

— Но ты так отважно пришла сюда, — покачал головой Доместиан. — Мы чужеземцы и живём здесь потому, что у нас нет другого пристанища. Но ведь могло случиться так, что в этой лачуге тебя поджидали бы дикие волки.

Глаза старой женщины блеснули.

— Я всю свою юность провела в этих горах и ещё не забыла, как выгнать волка из его логова.

«Да, у неё хватит на это сноровки и мужества», — с невольным восхищением подумал Доместиан.

— Госпожа, наверно, голодна и устала. — Мария ласково коснулась иссохшей руки старухи. — Обопрись на меня и войди в дом. Хочешь, приляг и отдохни. А если не побрезгуешь — раздели с нами нашу скромную трапезу.

— Спасибо вам, добрые люди. — Старуха переступила порог хижины и остановилась. Не скрывая волнения, она оглядела голые глинобитные стены, полки с убогой утварью, грубо сколоченные лавки.

Она до дна выпила кружку козьего молока и съела кусок лепёшки.

«Кто она — эта странница? — приглядываясь к старой женщине, подумала Мария. — Похоже, она больше привыкла есть фазанов на серебряных блюдах, чем пить козье молоко из глиняной кружки...»

— А ведь ты красавица, дитя моё, знаешь ли ты это? — Старуха наклонилась к Марии,

ласково завела за ушко кудрявую прядь волос. — Ты нежна и прелестна!

— О госпожа! Ты слишком добра ко мне. — Мария зарделась от смущения. — Если бы ты только видела, какая я была прежде. Если бы ты только видела...

— Довольно, Мария, не продолжай, — остановил её Доместиан. — Ты только напугаешь нашу почтенную гостью. Мало кто верит тебе, многие отворачиваются от тебя со страхом и отвращением, узнав, что ты...

Но казалось, старая женщина уже не слушает их, и мысли её далеко.

— Я уйду, — с улыбкой сказала она, и улыбка её была полна печали. — Я отдохнула у вас душой, но пора идти. День велик, я ещё найду для себя пристанище на ночь.

— Пстой! — с волнением остановил её Доместиан. — Ты уходишь, но почему? По праву эта хижинка твоя, а вовсе не наша. К тому же мы молоды и скорее отыщем себе какое-нибудь жилище. Ты здесь хозяйка. Оставайся, живи здесь, а мы уйдём.

— Позволь мне сказать, Доместиан! — с жаром возразила Мария. — Как мы можем оставить госпожу здесь одну-одинёшеньку? Подумай, что ждёт её? Голодная смерть. Она

даже не сможет принести воду из источника. Не лучше ли нам здесь остаться и заботиться о ней? Мы станем её детьми или слугами, как она пожелает.

Мария смутилась своей смелости, покраснела, потупилась и наивно добавила:

— Ведь у неё, бедняжки, не хватит сил даже сбить себе масло из козьего молока...

Старая женщина с удивлением, словно не веря тому, что слышит, смотрела то на Марию, то на Доместиана. Слезы благодарности невольно навернулись ей на глаза.

— Почему вы так говорите? — спросила она дрогнувшим голосом. — Почему вы так милосердны ко мне?

Тогда Мария взяла её за руку и сказала:

— Это потому, что мы сами однажды в жизни встретились с великим милосердием!..

Так старая женщина осталась жить в хижине виноградаря, и скоро всем сердцем полюбила молодых супругов.

Но она никогда не говорила им, кто она и откуда пришла, а они её ни о чём не спрашивали. Оба они видели, как порой омрачается лицо старой женщины, и догадывались,

что какие-то гнетущие неотвязные воспоминания омрачают её душу.

Но с ними она всегда была проста и приветлива. Она кротко, без жалоб переносила все тяготы их суровой жизни.

Мария скоро перестала дичиться, часто ласкалась к старухе, чинила её ветхую одежду, целовала худые, почти прозрачные руки и нежно звала её — матушка.

Однажды вечером все трое сидели за ужином у входа в хижину. Вечернее остывающее солнце уходило за вершины Сабинских гор.

Вдруг они услышали стук камешков, скатившихся вниз с откоса, и увидели, что по тропинке к их хижине поднимается высокий широкоплечий старик. На нём был пропылённый плащ с тускло блестящей золотой каймой. У бедра — короткий меч с узорной рукоятью, на ногах — сандалии из мягкой кожи. По его властному и надменному лицу было нетрудно догадаться, что этот человек привык повелевать.

— Приветствую тебя, Фаустина. — Незнакомец почтительно склонил седую голову перед старой женщиной. — Я долго искал тебя. Слух о том, что ты скрываешься в этой лачуге, дал мне последнюю надежду. Я благодарю богов, что отыскал тебя!

На виноградаря и его жену он взглянул лишь мельком, высокомерно и безразлично и, казалось, тут же забыл о них.

— Фаустина? — удивленно прошептала Мария. — Матушка, так тебя зовут Фаустина?..

— А, это ты, Сульпиций, — равнодушно сказала Фаустина. Она сказала это так, будто они расстались совсем недавно, будто старик сходил на источник и вернулся.

Не глядя на него, она не спеша допила молоко из надбитой глиняной кружки. Потом она прислонилась к дверному косяку и устремила свой взор куда-то вдаль, поверх вершин Сабинских гор.

— Я пришёл за тобой, Фаустина, — мягко и терпеливо проговорил Сульпиций. — Император ждёт тебя. Он хочет, чтоб ты вернулась. Дневная жара спала, а до ночи еще далеко. Ну же, поторопись! Мы успеем за светло спуститься в долину.

Фаустина резко повернулась к нему. Мария взглянула и не узнала ту, которую она привыкла звать матушка.

Гнев и презрение исказили лицо Фаустины. Неукротимая ярость сверкала в глазах.

— Ты пришёл сказать мне, что император научился доброте и милосердию? — Её голос, всегда ровный и мелодичный, сейчас больше походил на змеиное шипение. — Скажешь, что сердце его смягчилось и он больше не преследует невинных? И руки его не обагрены кровью?

— Нет, Фаустина, — ровным, невыразительным голосом проговорил Сульпиций.

— Тогда, может быть, император открыл тюрьмы и выпустил из заточения своих друзей? — язвительно бросила она. — Тех немногих, кто чудом остался в живых? Говори, старик!

— Нет, Фаустина, — всё тем же бесцветным голосом ответил Сульпиций.

— Тогда вспомни, вспомни! — Фаустина наклонилась к нему. Глаза её сузились и засверкали. Она задыхалась. — Клянусь богами! У императора была верная кормилица. Она любила его больше собственной жизни. Что там! Любила, как родное ненаглядное дитя. Что ты так глядишь, старик? Да, император построил ей дворец, сотни рабов прислуживали ей, он осыпал её драгоценными дарами. Правду ли я говорю, отвечай?

— Всё это истинная правда. — Сульпиций мучительно вглядывался ей в лицо, не понимая, куда она клонит. Он спросил неуверенно, с робкой надеждой: — Значит, ты всё-таки пойдёшь со мной, Фаустина?

Фаустина с горькой насмешкой расхохоталась прямо ему в лицо.

— Но императору надоела воркотня старухи. Что ни день я молила императора опомниться. Я стала ему в досаду, я ходила за ним, как тень его совести... — Фаустина выпрямилась и с силой ударила себя кулаком в грудь. — И вот однажды император, смеясь, сказал: «Фаустина служит мне, как и все, из жадности и корысти. Что ж, старушка любит почести и дорогие безделушки из золота». И тогда я... — Фаустина на миг умолкла, но тут же продолжала твёрдо и непреклонно: — Тогда я обменялась одеждой с первой встречной нищенкой. Я ушла из дворца, не взяв ничего, ни одного систерция. Ушла навсегда. Так что не пытайся уломать меня, Сульпиций, я не вернусь! Прошлое рухнуло. Я проклинаяю день, когда мне положили на руки маленькое дитя и сказали: «Фаустина, выкорми его своим молоком». — Голос её вдруг загремел грозно и неистово: — Я проклинаяю тебя, император!

— Замолчи, Фаустина! Слова порой имеют вещую тайную силу, — поспешно остановил её Сульпиций. — Я принёс тебе плохие вести, старая кормилица. Император умирает! Боюсь, ты уже не застанешь его в живых.

— Умирает?... — тихо и медленно повторила Фаустина. Словно непосильная тяжесть вдруг навалилась на неё и пригнула к земле. Она рухнула на колени, протянула к Сульпицию дрожащие руки.

— Что ты сказал? Не верю, не верю... — она заговорила жалобно, с надеждой заглядывая ему в глаза. — Друг, прости меня! Ты сказал это в сердцах, потому что я, старая дура, прогневала тебя своими глупыми речами. Ты придумал это нарочно, чтобы уговорить Фаустину вернуться к любимому сыну. Не пугай меня! Что ты молчишь? Ну говори же... — Ужас отразился на её лице. — О боги, боги! Всесильный Юпитер, спаси императора!

— Никто и ничто не спасёт его! — Лицо Сульпиция оставалось бесстрастным, но внезапно, не выдержав, он отвернулся и на миг прикрыл глаза ладонью. — Императора поразил недуг, раньше неизвестный у нас